

2. Арбатова, Н.К. Внешняя политика Италии / Н.К. Арбатова. – М.: Наука, 1984. – 28 с.
3. Арган, Дж. К. История итальянского искусства / Дж. К. Арган. – М.: Радуга, 1990. – 239 с.
4. Вентури, Ф. Итало-русские отношения с 1750 до 1825 г. / Ф. Вентури // «Россия и Италия». – М., 1968. – 14 с.
5. Замятин, Д.Н. Италия: наследница Великой империи / Д.Н. Замятин. – М.: Наука, 2002. – 57 с.
6. Зонова, Т.В. Россия и Италия: история дипломатических отношений / Т.В. Зонова. – М.: МГИМО, 1998. – 128 с.
7. Мешков, А.Ю. Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в Итальянской Республике и Республике Сан-Марино. Российско-итальянское сотрудничество: история и современность / А.Ю. Мешков // Международная жизнь. – 2011. – 144 с.
8. Мешков, А.Ю. Российско-итальянские отношения: Аномалия или пример для подражания? / А.Ю. Мешков // Международная жизнь. – 2007. – № 11. – 11 с.
9. Нехорошкина, И.Ю. Италия / И.Ю. Нехорошкина, Ю.Б. Ларионова, Л.М. Кунявский, Е.А. Левицкая. – М.: Вокруг света, 2009. – 67 с.
10. G. Trevisani. Storia del movimento operaio italiano. Milano, 1965, v. 3, p. 57.
11. Quazza. La lotta sociale nel Risorgimento. Classi e governi dalla Restaurazione all'Unità (1815-1861). Torino, 1951, p. 87.
12. Il Partito socialista italiano nei suoi congressi / a cura di Franco Pedone. – Milano, 1959, p. 31.

СОЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВА МАНЬЧЖОУ-ГО ГЛАЗАМИ СОВЕТСКИХ ПАРТИЙНЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ И ДИПЛОМАТОВ (1932-1933 ГГ.)

А.В. Филинов,
*соискатель кафедры Отечественной истории XX-XXI вв.
Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
Научный руководитель О.В. Хлевнюк,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры Отечественной истории XX-XXI вв.
Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*

29 февраля 1932 г. Всеманьчжурское совещание провозгласило Верховным правителем Маньчжурии последнего императора династии Цин Пу И (Генри Пу И), который был низложен во время революции в Китае в 1911 г. и незадолго до этого тайно доставлен японцами из его резиденции в Тяньцзине. 1 марта 1932 г. сформированное японцами коллаборационистское правительство Северо-Восточного Китая издало «Декларацию о независимости нового Монголо-Маньчжурского государства», в которой оно

объявлялось окончательно отделенным от Китая [1, с. 245]. Новое государство было названо Маньчжоу-го (Страна маньчжуров), а столицей стал город Чанчунь, переименованный в Синьцзин («Новая столица»).

Не получив признания «свершившегося факта», т.е. создания Маньчжоу-го, Япония в знак протеста против «непонимания ее исторической миссии в Азии» 27 марта 1933 г. вышла из Лиги наций, а уже 31 мая 1933 г. японо-китайским соглашением, подписанным в Тангу, был подтвержден официальный отказ правительства Чан Кайши от Маньчжурии [1, с. 246-247].

Что представляла собой Маньчжурия под властью японцев к тому моменту, когда было подписано соглашение в Тангу или, скажем, к 12 июля 1933 г., когда заведующий базой Дальневосточного краевого комитета (ДКК) ВКП (б) В. Хохлов направил секретарю ЦК Л.М. Кагановичу доклад о работе партийной организации Северной Маньчжурии? Весьма любопытны наблюдения заведующего базой о ситуации, сложившейся на территории, захваченной японцами: «Истёкший 1932 г. характеризуется полным захватом и освоением Северной Маньчжурии японцами. Только к I/I 1933 г. власть Маньчжоу-го распространилась до границ бывшего ОРВП [*Особого района восточных провинций – Авт.*] с СССР, а до этого времени значительная часть приграничной с нами полосы занимали, так называемые - «Старо-Гиринские» части [6, с. 726-727] <...> Одновременно с территориальным захватом, японцы максимально использовали время для полного освоения этого района, как экономически, так и политически. За истёкший год они монополизировали основные отрасли экономической жизни С. Маньчжурии» [8, л. 80-81].

Руководство экономическим развитием было сначала поручено Компании Южно-Маньчжурской железной дороги и с этой целью в 1933 г. её капитал был увеличен с 440 до 800 млн. иен (половину предоставляло японское правительство) [5, с. 42]. Компания учредила совместно с правительством Маньчжоу-го ряд специальных компания для развития различных сфер хозяйства: Маньчжурскую нефтяную компанию, Маньчжурскую компанию по добыче золота, Маньчжурскую компанию по добыче угля, Маньчжурскую компанию по развитию горнорудной промышленности и т.д., которые финансировались сообща железнодорожной компанией и правительством Маньчжоу-го [5, с. 42].

В соответствии с экономической строительной программой для Маньчжоу-го (март 1933 г.) был разработан десятилетний план строительства железных дорог, рассчитанный на сооружение новых путей протяжённостью в 4 тыс. км., что довело бы длину всей сети железных дорог до 10 тыс. км [5, с. 42]. Первый вариант «экономической программы» был рассчитан также на то, чтобы в течение трёх лет, т.е. до 1936 г. обеспечить всем необходимым из местных ресурсов Квантунскую армию (всего около миллиона солдат и офицеров) [2, с. 123].

Составители программы исходили из того, что годовая потребность такой армии может составить 2400 тыс. т. стали и стальных изделий, 48 млн. т. угля и около 2.5 млн. т. нефти, для чего рассчитывалось мобилизовать

также ресурсы Северного Китая и Внутренней Монголии [2, с. 123]. Помимо всего прочего, как писали «Известия» в июле 1933 г., «план японской иммиграции в Маньчжурию до конца бюджетного 1933-1934 гг. помимо 1.000 вооружённых иммигрантов, расселённых вдоль реки Сунгари, вновь заключённое соглашение между Маньчжоу-Го и японским правительством предусматривает переселение двух тысяч японских семейств в важнейшие пункты железных дорог Гирин-Даньхуа-Хайлар и Харбин – Лафа. Переселение финансируется ЮМЖД, ассигнующей на это дело 3 млн. иен» [3].

С другой стороны, стоит сказать и о причинах, удерживавших японский частный капитал от крупных вложений в Маньчжоу-го [7, с. 444]:

1. Безусловный риск, связанный с международной нерешённостью вопроса о Маньчжоу-го, непризнанного всем миром как самостоятельное государство;

2. Партизанское движение, отражающее собой наличие недовольства среди значительного количества маньчжурского населения;

3. Необходимость во многих случаях производить предварительные большие затраты при освоении новых районов, так как обычно там нет ни дорог, ни построек, так как «Маньчжурия была по преимуществу сельскохозяйственной страной, когда Квантунская армия захватила её, намереваясь создать в ней самоснабжающуюся операционную базу, свободную от влияния со стороны японских промышленных концернов» [5, с. 41];

4. Большие противоречия интересов между группировками японского финансового капитала в Японии и в Маньчжоу-го, которые в дальнейшем дадут себя чувствовать ещё больше;

5. Создание таможенного барьера, по которому маньчжурские товары, вывозимые в Японию, облагаются высокими пошлинами, не ослабляло этих противоречий.

Но, как отмечалось всё в том же докладе зав. базой ДКК В. Хохлова Л.М. Кагановичу, «вместе с экономическим освоением Северной Маньчжурии шло и укрепление японского влияния во всей политической жизни Сев. Маньчжурии, путём насаждения японцев в правительственные учреждения руководителями основных участков политической жизни, или советниками, где прямо японцев сажать по каким-либо причинам было не удобно» [8, л. 80-81].

В качестве первого шага был создан административный отдел японского гарнизона с секциями: законодательства, средств сообщения, промышленности, иностранных дел [4, с. 307]. Предполагалось, что будет создан пост генерального резидента, который соответствовал бы тому, который существовал в Корее перед её аннексией для того, чтобы содействовать правительству Маньчжурии, и, вероятно, объединить функции отдельных органов японской администрации [4, с. 307], поскольку «марионетка Пу И, находившийся со своим двором в тихом Синьцзине <...> политического интереса <...> не представлял» [9, с. 46].

Но, в конечном счёте, сосуществование министерства иностранных дел, военного ведомства и министерства колоний («заморских территорий») в качестве наблюдательных органов привело к многочисленным затруднениям японских властей в Маньчжурии, хотя уже ранее предпринимались меры для объединения их действий [4, с. 307]. Подобное сосуществование в управленческом аппарате Маньчжоу-го представителей различных японских ведомств, дополнявшееся ещё к тому же руководством ЮМЖД, получило в советских документах название «четырёхглавия», под которым следовало понимать консульство (во главе с Морисима), генерал-губернаторство, штаб Квантунской армии и Южно-Маньчжурскую железную дорогу [6, с. 433].

Судя по отчётам в НКВД генконсула М.М. Славуцкого, самым весомым из властей был японец, заместитель особого агента МИД Северной Маньчжурии Симомура, который как и многие ответственные чиновники в маньчжурском государственном аппарате был японцем, якобы в частном порядке поступившим туда на службу [9, с. 46-47]. Реже дела велись особым агентом, также находившимся в Харбине маньчжуром Ши Люйбенем (Люйбенем), официально начальником Симомуры [9, с. 46-47].

Подводя итоги, стоит ещё раз упомянуть доклад ответственного работника Далькрайкома ВКП (б), направленный Л.М. Кагановичу: «Захват Маньчжурии сопровождался усилением японской агрессии не только по отношению к местному коренному населению, но также и, ещё в большей степени, к гражданам СССР, особенно в организованной их части /парторган [партийные органы], профсоюз [профсоюзные организации], КСМ [Коммунистический Союз Молодёжи] и др./» [8, л. 80-81].

Видимо, далеко не всегда находила поддержку в стране Восходящего солнца точка зрения директора Европейско-Американского бюро МИД Того, заявлявшего, что, «учитывая позиции России и США, следует всеми средствами избегать войны с СССР, за которую выступали некоторые круги Японии» [10, с. 156].

Литература

1. Аблова, Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.) / Н.Е. Аблова. – М.: Изд-во Рус. Панорама, 2005. – 432 с.
2. Жуков, Е.М. Японский милитаризм / Е.Н. Жуков. – М.: Наука, 1972. – 132 с.
3. Известия. 1933. 22 июля.
4. Квигли, Г. Правительство и политическая жизнь Японии. / Пер. И. Звавича. Предисл. Л.А. Зархин. / Г. Квигли. – М.: Госуд. соц-эконом. изд-во, 1934. – 318 с.
5. Коен, Дж. Б. Военная экономика Японии. Сокр. пер. с англ. / Дж. Б. Коен. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1951. – 386 с.
6. Пограничные войска СССР 1929-1938 гг.: сб. док и материалов. / Сост. Иванчишин П.А., Чугунов А.И. – М.: Наука, 1972. – 776 с.

7. Попов, К.М. Экономика Японии. / К.М. Попов. – М.: Госуд. соц-эконом. изд-во, 1936. – 551 с.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 120. Д. 84.
9. Славуцкая, А.М. Всё, что было...Записки дочери дипломата. / А.М. Славуцкая – М.: Книга и бизнес, 2002. – 192 с.
10. Того, С. Воспоминания японского дипломата / С. Того. – М.: Новина, 1996. – 521 с.

ПОКУШЕНИЕ НА В.И. ЛЕНИНА 30 АВГУСТА 1918 ГОДА

Д.И. Шаповалов,

*студент кафедры информационных технологий
Института энергетики, информационных технологий
и управляющих систем*

БГТУ им. В.Г. Шухова,

1 курс

Научный руководитель О.А. Смоленская,

кандидат исторических наук, доцент

кафедры социологии и управления БГТУ им. В.Г. Шухова

Художественный фильм «Ленин в 1918 году» долгие годы воспринимался советскими зрителями как документальный. В основе сценария фильма - хрестоматийная версия о покушении описанная в книге Бонч-Бруевичу М. Д. Это как раз то, чему учили в советских школах на уроках истории. Вот восторженная толпа встретила вождя мирового пролетариата, вот Каплан и выстрел. Во время съемок сцены актеры из массовки по-настоящему изобьют актрису, играющую Каплан. Многие считают: Каплан убийца – это неоспоримый факт.

Уголовное дело закрыто, Ленина нет в живых, Фанни Каплан тем более, но странно то, что все остальные фигуранты или свидетели по этому делу либо расстреляны, либо умерли при странных обстоятельствах, либо исчезли. Это дело № Н-200 было возобновлено в 1992. Тогда историки и криминалисты пытались доказать, что Каплан не могла стрелять в Ленина, так как была слепой. Её слепота - спорный вопрос. Много было не ясно и главной загадкой оставалось то, как вообще могли закрыть это дело в 1918 г.

К Заводу Михельсона 30 августа 1918 на Renault 40 CV из царского гаража подъехал В. И. Ленин. Затем он пошел к гранатной мастерской. По его возвращению к машине было совершено покушение.

Следственная группа приехала на место преступления 2 сентября, а это аж спустя 2 дня после покушения, и обнаруживает 4 гильзы, хотя в браунинге не хватало трех пуль. Возможно ли это? Может в Ленина стрелял кто то еще?

Из «Записок коменданта Кремля» П. Малькова: